

Василий Павлович Нацентов родился в 1998 году в Каменной Степи Воронежской области. Окончил факультет географии, геоэкологии и туризма Воронежского государственного университета. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Наш современник», «Москва», «Юность», «Подъём», в «Литературной газете», «Литературной России» и др. Лауреат Международной премии «Звездный билет», «Кольцовский край», Исаевской премии для молодых литераторов Воронежской области (2018), финалист и обладатель спецприза от журнала «Юность», премии «Лицей» им. А.С. Пушкина. Член Союза писателей России и Союза писателей Москвы. Живет в Воронеже.

Василий Нацентов

О ЕСЛИ БЫ МНЕ ПОВТОРИТЬСЯ...

* * *

Моей Л.

Листать тебя, тобою шелестеть —
все — воспроизводить, как киноленту,
и, маленькому, к лету уцелеть,
и повзрослеть, и все забросить к лету.
Как тих ландшафт в преддверье холодов,
как многоглазо яблоня сияет
синапом уцелевшим, нотой до —
не удержав, как бы слезу роняет.
За нотой ноту. Скучен этот бал.
Однообразно, глупо повторенье.
И хочется внести разлад, развал
в природу, как в свое стихотворенье.
И о тебе, о жизни, о земной
заговорить на ломаном, на птичьем,
и просвистать до снега, и зимой
не замолчать, и потерять приличье.
О поздний свет, таинственный портал —
прореха каждая, куда дроздом летал
рябинником,
а возвращался певчим.

* * *

Парусинило поле,
и время тянулось к закату,
не пылила дорога — еще сыровато в апреле,
но мошка уже липла к лучам языкатым,
и лучи тяжелели.

Проходи же скорее.

В покинутом мире

спокойнее, проще.

Загадай возвратиться в дегтярную горечь,

в запахах бабьего пота.

Пусть молчит одинокая голая роща:

речь твоя перелетными птицами стерта.

Что ты вспомнишь: поля лиловатые,

стая сонных, мигающих в небе скворцов,

и набухшие почки,

как бы виноватые —

тычутся в сумерки, словно в лицо.

* * *

Сложное и, как элегия, грустное,

как всякое русское:

дорога осенняя — сумерки — матерьял холста —

устройство листа кленового, липового, дубового

и всякого облетающего листа.

Тает дерево,

тает —

и все равно сильнее меня.

Прижмусь щекою:

холодный дух зеленого и голубого огня.

Отучившись на человека,

отчаявшись,

час, два —

специально теряешь время.

Становится кроной одуванчиковая голова

и сразу же облетает.

Всматриваешься:

что там, за последним листом?

Слезятся глаза, и ничего не видишь.

Тот же круглый, как шар, простор,

из которого никуда не выйдешь.

* * *

Пахнет дождем:

не водой, а вином домашним,

веткой, отцветающим мхом апрельским.

Темное время — с пятницы на субботу,

с субботы на воскресенье.

Страшно.

И разделить это время не с кем, конечно, не с кем.

гулкое и пудовое

раздави меня как жука

*что мне делать здесь
если исчерпаны возможности языка*
Вот она тяжесть последнего в мире сюжета.
Зацвели абрикосы. Небо низкое. Холодно. И ни одной пчелы.
Но мы, оказывается, переживем и это.

* * *

Между снегом и листьями — дни веселого голяка.
На пролете птица тундровая говорлива:
всхлипы, вскрики луженой глотки, заморского языка.
Дрогнувший глаз залива.
Память чужая. Связь золотых времен.
Воздух, стершийся по краям дороги.
Наблюдаешь бессовестно, к созерцанию приговорен,
как грибы и ягоды, подбираешь слоги.
На заброшенной даче боишься злого ежа —
в детстве с тайным каким-то смыслом лазил по старым дачам —
хотя еж давно подобрел и убежал
полон земли и плача.
Он бежит, и помнит его ветла,
как косынка жены светла.

* * *

*Песня дрозда легко и довольно точно
передается буквами и даже целыми фразами
человеческой речи...*

Орнитолог А.Н. Промптов

На холодном закате дроздиная песня чище,
свободней, разнообразней иволги, соловья,
когда они прилетят, дрозд достроит жилище
и перестанет петь: теперь у него семья.
Да и зачем, если вокруг такое:
от целканья воздух лопается, и из прорех
стекает золото царственного покоя.
Насвистывать свою песню в эти мгновенья — грех.
Сидит дроздиха на яйцах, клюв приоткрывши,
терпеливо ждет листовертку, бронзовку, червяка,
и течение жизни становится шире, тише,
и слышно, как в глубине гнезда ворочаются века.
О еще будет время! в июле, может быть, в первых числах
или к середине месяца. Все затихнут. И дрозд споет:
столько в песне его надежды, нот светлых, чистых,
что птенцы навсегда запомнят, в собственный отправляясь полет, —
*«Фи-липп, фи-липп, при-ди, при-ди, чай-пить, чай-пить...»*¹
И дроздиха подумает: счастье такого дрозда любить.

¹ По утверждению И.К. Шамова (1876 год), некоторые крики дрозда можно передать словами: «Деньги есть! выпьем! Василий! кто велит!»

Я уйду с головой обращенной назад —
топкой тропинкой вдоль поймы. Ольшаник. Осинник.
В детстве мечтал я в рассыпанный солнечный сад
переродиться, но разве мальчишка осилит
святость и кротость, пожизненный долг естества,
нежность запретную? На одуванчик похожий
я сохранил только шепот, которым листва
утром прощалась. Другое — грубее и строже.
Или яснее? Какая разлука кругом!
Капли, как пятки босые, от лунного блеска
переливаются, в теплый пока еще дом
катятся к счастью, которое, кажется, близко
и неизбежно, как солнце.

О если бы мне повториться
здесь, на земле, на притихшем весеннем Дону
страшно спугнуть одинокую взрослую птицу
и остаться совсем одному.